

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 18 октября 1881  
6 октября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie.** Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: **rédaçtion du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.** Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

## СОДЕРЖАНИЕ:

1) Политика болгарскаго князя. — 2) Недоразумѣніе по поводу безкорыстія Н. Х. Бунге. — 3) Невѣрный слухъ о Валутѣ; свиданіе императоровъ. — 4) Историческая Польша и великорусская демократія, VIII, *М. Драгоманова.* — 5) Политическія письма (письмо четвертое), г. Б. — 6) Письма о рабочемъ движеніи, VII: международный социалистическій конгрессъ въ Хурѣ (Коарѣ). — 7) Письмо въ редакцію (переводъ съ польскаго), *Иосифа Дескура.*

Женева, 11 октября.

При всемъ нашемъ желаніи давать, на страницахъ „Вольнаго Слова“, мѣсто каждому правдивому и честному заявленію, мы испытываемъ иногда затрудненіе печатать получаемыя нами письма; въ интересѣ нашихъ читателей и въ видахъ болѣе полнаго выполненія нашей задачи, мы принуждены дѣлать различіе между фактическими сообщеніями, за достовѣрность которыхъ ручается ихъ внутреннее содержаніе или извѣстность редакціи личности автора и которыя имѣютъ право быть напечатанными въ ихъ полности, и личными разсужденіями, не подкрѣпленными фактами и ведущими болѣею частью полемику со статьями уже помѣщенными въ нашей газетѣ.

Впрочемъ, и сообщенія послѣдней категоріи бывають полезны для редакціи, когда они содержатъ указанія на настроеніе общества въ данной мѣстности и на интересы его занимающіе. Таковы были рядъ писемъ, вызвавшихъ, напечатаннымъ нами въ № 5, письмомъ болгарина изъ Пловдива. Мы помѣстили (въ № 9 „Вольнаго Слова“) письмо изъ Сараева, проводящее интересную параллель между положеніемъ Босніи и Болгаріи; изъ другихъ, полученныхъ нами по этому поводу, писемъ, которыхъ, по изложеннымъ причинамъ, мы не печатаемъ вполне, мы намѣрены поѣздиться съ нашими читателями лишь фактами и выводами имѣющими общій интересъ.

Мы видимъ изъ этихъ писемъ, что положеніе болгарскаго княжества за послѣднее время сдѣлалось нѣсколько благопріятнѣе. Недовольство произвольными дѣйствіями князя Александра въ самой странѣ и осужденіе ихъ всею европейскою

прессею произвели повидному сильное впечатлѣніе на совѣтниковъ князя и внушили имъ дѣйствіа примирительнаго характера. Амнистія защитникамъ конституціи, отложеніе суда надъ бывшими министрами и принятіе на службу нѣкоторыхъ изъ вожаковъ либераловъ ослабили возбужденіе этой партіи и уменьшили опасность ея агитаціи. Въ то же время, князь Александръ показываетъ, по крайней мѣрѣ, желаніе прекратить злоупотребленія своихъ чиновниковъ и оградить народъ отъ произвольныхъ поборовъ и дурнаго обращенія, т. е. именно тѣхъ золъ, на которыя жаловался нашъ болгарскій корреспондентъ.

Исполнить эти благія намѣренія относительно цѣлаго народа гораздо труднѣе, къ сожалѣнію, чѣмъ обезоружить недовольство отдѣльныхъ личностей принятіемъ ихъ на службу или доставленіемъ имъ личныхъ выгодъ; контроль администраціи и порядокъ въ управленіи зависятъ, прежде всего, отъ прочности законовъ и независимости дѣйствующихъ на ихъ основаніи учреждений. Княжеское правительство думаетъ достигнуть этого посредствомъ „государственнаго совѣта“ и на это, созданное княжескимъ указомъ, учрежденіе возлагаютъ надежды, какъ приверженцы прежней конституціи, такъ и населеніе княжества вообще. Государственный совѣтъ изъ лицъ назначаемихъ княземъ находился и въ проектѣ конституціи, который былъ предложенъ русскимъ комиссаромъ первому народному собранію Болгаріи, принявшему всѣ пункты проекта, за исключеніемъ относящагося до государственнаго совѣта. Въ настоящее время, народное собраніе и самая конституція существуютъ болѣе въ воспоминаніи, чѣмъ въ дѣйствительности; учреждаемый государственный совѣтъ будетъ готовить законы—не для собранія, а для князя, отъ котораго одного зависятъ ихъ принятіе или отверженіе. Желаніе князя сдѣлать уступку общественному мнѣнію и пріобрѣсти популярность, которой онъ лишенъ, побудило его постановить, что часть членовъ совѣта будетъ избираться населеніемъ.

Пишущіе намъ объ этомъ радуются, косвенному возвращенію къ представи-

тельному правленію. Мы бы очень желали, чтобы они не разочаровались въ своихъ надеждахъ, но намъ кажется, однако, что государственный совѣтъ, этотъ сколокъ съ французскаго Conseil d'Etat, весьма хорошее учрежденіе для приготовленія законовъ, требуетъ специалистовъ, а не политиковъ; избранные члены будутъ въ немъ или совсѣмъ бесполезны или только номѣхою; для представительства же интересовъ страны, число ихъ (8 человекъ) слишкомъ недостаточно и они будутъ подвергаться сильному вліянію назначенныхъ правительствомъ членовъ и самихъ министровъ, также имѣющихъ мѣсто въ совѣтѣ: врядъ ли избраннымъ народа не придется въ болгарскомъ государственномъ совѣтѣ играть ту же роль, какая выпадаетъ на долю нашихъ засѣдательствъ отъ сословій въ чрезвычайныхъ судахъ. — Эти строки уже были написаны, когда мы прочли, въ пловдивской газетѣ „Марипца“, княжескій указъ о выборахъ членовъ совѣта, вполне подтверждающій только что высказанное нами мнѣніе. *Избираемы могутъ быть только бывшіе чиновники, и именно тѣ изъ нихъ, которые занимали высшія государственныя должности!* Изъ 20 избранныхъ населеніемъ лицъ, князь выбираетъ 8, которые и поступаютъ въ совѣтъ.

Но, хотя мы и видимъ серьезныя причины опасаться неосуществленія надеждъ, возлагаемыхъ болгарами на государственный совѣтъ и его выборныхъ членовъ, мы не считаемъ, однако, бесполезнымъ опытъ этого учрежденія; мы полагаемъ, напротивъ, что онъ внесетъ ясность въ положеніе дѣла княжества, открывъ наконецъ истинныя цѣли, руководившія правительствомъ при совершеніи имъ государственнаго переворота. Было бы, въ то же время, весьма желательно, чтобы правительство не столько заботилось объ укрѣпленіи личной власти князя, сколько объ успокоеніи умовъ и предупрежденіи волненій въ странѣ. Для Болгаріи, какъ и для Сербіи и всякой другой балканской націи, чрезвычайно важно устраивать свои дѣла домашнимъ образомъ и не подавать ни малѣйшаго повода великимъ державамъ занять перестройствомъ полуострова, которое, въ настоящую минуту, могло бы только по-

вести къ замѣнѣ дѣйствительной, хотя бы и ограниченной, автономіи полнымъ подчиненіемъ чужому владычеству.

Кіевскіе думцы, банковскіе дѣльцы и университетъ подняли шумъ изъ за сдѣланнаго газетою „Страна“ указанія на то, что Н. Х. Бунге, нынѣшній управляющій министерствомъ финансовъ, имѣлъ свою долю выгоды въ учрежденіи кіевского земельного банка. Г. Бунге тоже обидѣлся и написалъ опроверженіе, свидѣтельствующее о его, г. Бунге, полнѣйшемъ безкорыстіи. Думаемъ, что въ шумѣ кіевскихъ дѣльцовъ, какъ думскихъ, такъ и университетскихъ и банковыхъ, безспорно обязанныхъ своею карьерою и значительною долею своего благосостоянія г. Бунге, равно какъ и въ обидчивости послѣдняго главную роль играетъ недоразумѣніе. Вполнѣ вѣроятно, что никакого гонимора за составленіе и проведеніе устава кіевского земельного банка, г. Бунге, подобно дѣльцу и моту дѣйствительному статскому (или тайному) совѣтнику Суцову, не получалъ; по ученій и высокочинный панъ финансистъ, въ то время, когда онъ руководилъ кредитными предпріятіями въ Кіевѣ, вовсе не считался, да и не желалъ быть безкорыстнымъ дѣялемъ вообще; къ мѣстному же земельному банку, онъ, въ качествѣ одного изъ учредителей этого банка, могъ отнестись по „чистой“ совѣсти дѣльца, какъ къ дойной коровѣ, обязанной питать его отъ „избытка силъ своихъ“ въ теченіе, если не ошибаемся, тридцати лѣтъ, что, принимая во вниманіе преклонный возрастъ почтеннаго финансиста, равносильно пожизненному для него пансіону. Дѣло въ томъ, что по уставамъ нѣкоторыхъ земельныхъ банковъ, учредители получаютъ особые пай, дающіе имъ право, въ теченіе тридцати лѣтъ, пользоваться отъ чистыхъ прибылей банка 15 процентами изъ остатка, образующагося за выдачею 8-ми процентовъ въ дивидендъ акціонерамъ. Такимъ образомъ, если основной капиталъ банка равняется миллиону (основной капиталъ кіевского зем. банка значительно превышаетъ эту сумму), а чистой прибыли отъ операций образуется, примѣрно, 120.000, то, за отчисленіемъ въ дивидендъ 80.000, изъ остальныхъ сорока—15%, т. е. 6 тысячъ поступаютъ въ пользу учредителей за здорово живень, за то только, что они учредители.

Таковы нормальныя условія даровой природы, таковъ законъ. Если только и уставъ кіевского банка подходитъ подъ эту норму, то учредителю банка на посту министра финансовъ достаточно поддерживать силу закона, чтобы гарантировать себѣ аккурратное полученіе пожизненнаго пансіона изъ доходовъ учрежденія, выставившаго, на страницахъ своего устава, его имя только для виду. Вотъ почему желательно было бы получить новыя разъясненія отъ кого слѣдуетъ по поднявшемуся въ русской печати *бутовскому вопросу*.

Неожиданный выходъ въ отставку председателя комитета министровъ гр. П. А. Валуева подаль поводъ корреспондентамъ иностранныхъ газетъ въ Петербургѣ распространить за границу слухъ о преданіи суду перваго сановника въ русскомъ государствѣ по обвиненію его въ принятіи подарковъ отъ частныхъ лицъ и компаній, добывавшихся различныхъ выгодъ въ ущербъ казнѣ и государству. Достоверно лишь то, что нѣкоторые близкія къ Валуеву лица были опрошены особо учрежденною комиссіей для разслѣдованія дѣла о растратѣ государственныхъ земель въ восточныхъ губерніяхъ, при чемъ выяснилось, что эта растрата произошла главнымъ образомъ по винѣ мѣстныхъ властей, въ настоящее время частію уже упраздненныхъ; о преданіи же суду бывшаго министра государственныхъ имуществъ, вполнѣдствіи председателя комитета министровъ, не было и рѣчи.

Въ то время, когда водные за постъ иностранные корреспонденты на перерывъ другъ передъ другомъ распускали слухи въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ объ отерочкѣ свиданія императоровъ русскаго и австрійскаго, это свиданіе произошло вчера въ замкѣ Кшесовице, въ западной Галиціи. Говорятъ, на немъ присутствовали, кромѣ г. Гирса, и гр. Игнатъевъ. Австрійскій кесарь провожалъ царя до Границы, не рѣшаясь, какъ увѣряютъ, слѣдовать далѣе внутрь Россійской имперіи, въ виду динамита и т. п. привѣтствій, замѣнившихъ въ послѣднее время „восторженныя крики: ура!“

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

### ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

#### VIII.

Въ основѣ такого отрицательнаго отношенія къ автономнымъ стремленіямъ „негосударственныхъ“ народовъ лежитъ во первыхъ якобинскій централизмъ, черезъ который неизбежно должны были пройти русскіе оппозиціонные круги, которые все таки выросли подъ впечатлѣніемъ исторіи, начавшейся съ московскихъ Ивановъ и продолжавшейся петербургскими Петрами, Екатеринами и Николаями\*), — а во 2-хъ и главнымъ образомъ незнаніе истиннаго положенія въ областяхъ великорусскихъ, въ томъ числѣ и въ Польшѣ. Какъ характерный примѣръ такого незнанія мы должны указать на статью Н. Г. Чернышевскаго въ „Современникѣ“, 1861 г., Іюль, — „Національная безтактность“. Статья эта, написанная какъ

\*) Мы предполагаемъ извѣстнымъ нашимъ читателямъ обстоятельство, разъясненное многими писателями французскимъ послѣ Токивилемъ (L'ancien régime et la Révolution), что, въ политико-административномъ отношеніи, якобинцы явились только завершителями дѣла Ринцле и Людовика XIV и въ свою очередь отцами Наполеоновщины. Считаю не безполезнымъ напомнить тутъ прекрасныя слова Герцена: „Централизція, жертвующая самобытною частію, стремящаяся къ полицейскому образному фрунту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ“. (Колоколы, 15 Янв. 1859. 275).

рецензія на 1—2 №№ газеты „Слово“, которая съ возстановленіемъ въ Австріи конституціоннаго правленія, стала выходить въ Львовѣ, посвящена была специально вопросу объ отношеніи между польскими и русинскими политиками въ одной только, и при томъ австрійской, части исторической Польши, — въ Галиціи. Но она была понята въ болѣе широкомъ смыслѣ, да, очевидно, въ значительной степени и писана была съ тѣмъ, чтобы быть популярной въ такомъ смыслѣ: „Современникъ“ былъ обзоръ практическое, и не печаталъ статей „о сухихъ туманахъ“, съ которыми тогда сравнивали въ Россіи все вопросы, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ текущимъ внутреннимъ вопросамъ.

Рѣчь о статьѣ Чернышевскаго мы начнемъ съ выписки нѣсколькихъ строкъ изъ начала ея, которая намъ пригодится далѣе, когда мы будемъ говорить о мнѣніяхъ людей, признающихъ себя учениками его. „Галицкіе малороссы, говоритъ Чернышевскій, — или, какъ они себя называютъ, русины, отличаются всеміи свойствами, общими цѣлому малорусскому племени. А если есть племена, могущія къ себѣ привлекать симпатію больше, чѣмъ другія племена, то именно малороссы, — одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе плавности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи, — все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, такъ что интеллигентныя становятся малорусскими патриотомъ, если хоть сколько нибудь поживетъ въ Малороссіи. (Самъ Чернышевскій жилъ, если не въ Малороссіи, то подлѣ малорусскихъ колоній надъ Волгой. Напротивъ Саратова, родины Чернышевскаго и еще двухъ извѣстныхъ писателей-славянофиловъ, — расположена огромная слобода Покровская, сплошь населенная украинцами, — „черкасами“). Нельзя не сочувствовать имъ“. Само собою разумѣется, Чернышевскій признаетъ полную самостоятельность украинскаго языка, желаетъ полного его развитія и даже политическаго объединенія „русиновъ“ Австріи съ „малороссами“ Россіи. (См. кромѣ разобранной статьи еще и другую „Народная безтолково“, въ „Современникѣ“ 1861 г., Октябрь, посвященную разбору великорусско-централистическихъ стремленій московскихъ славянофиловъ „Дни“).

Послѣ такого, весьма рѣдкаго даже и въ тѣ времена русской реакціи противъ николаевской оффиціальной народности, — предисловія, публицистъ „Современника“ переходитъ къ своей специальной задачѣ: къ разбору поведенія галицко-русскихъ политиковъ. Онъ не видитъ въ немъ ничего, кромѣ „національной безтактности“, — главнымъ образомъ потому, что они составляютъ оппозицію польскимъ политикамъ, между тѣмъ, какъ эти послѣдніе, по мнѣнію автора, естественные союзники и даже надежные покровители „галицкихъ малороссовъ“.

„Львовское „Слово“, говоритъ великорусскій демократъ, совершенно ошибается,

воображал въ полякахъ вражду противъ русинской національности... Странные люди! (русинскіе политики), восклицаетъ онъ..... Изъ за воспоминаній о старинѣ (только!) пропикаются они преданностью къ нынѣшнему общему неприятели („австрийскимъ пѣмцамъ“, какъ говоритъ авторъ выше) ихъ и старинныхъ ихъ неприятели, не могущихъ быть вредными для нихъ теперь, ищущихъ союза съ ними для общей пользы,—и дальше приравниваетъ оппозицію галичанъ полякамъ (т. е. собственно польскимъ помѣщикамъ и чиновникамъ) къ совершенно глупой враждѣ, которую бы кто либо вздумалъ проповѣдывать во Франціи къ англичанамъ изъ за того только, что англичане опустошили Францію во времена „разныхъ Эдуардовъ“. „Мы боимся, говоритъ Чернышевскій, что львовское „Слово“ по стариннымъ воспоминаніямъ, смотритъ слишкомъ враждебно на другія силы, которые теперь искренне готовы содѣйствовать развитію просвѣщенія между русинами. Мы боимся, не отдастся ли львовское „Слово“ врагамъ русинскаго племени и не отталкиваетъ ли отъ себя его нынѣшнихъ союзниковъ“. Высказать совершенно справедливое предположеніе, что надежды „Слова“ на русинское духовенство до добра не доведутъ,—Чернышевскій объясняетъ связь свѣтскихъ русиновъ съ своимъ клерикализмомъ,—предположеніемъ о политической слабости русиновъ. „Мы не желали бы предполагать такое состояніе у галицкихъ русиновъ. Если львовское „Слово“ хочетъ вручить ходатайство по мірскимъ дѣламъ русинскаго племени православному духовенству за недостаткомъ другихъ защитниковъ русиновъ изъ русиновъ же, то значить сами русины еще не въ состояніи понимать своихъ интересовъ, т. е. еще неспособны къ политической борьбѣ. А значитъ борьбу, къ которой неспособенъ, значить, поступать во вредъ себѣ. Когда отдѣльный человѣкъ неспособенъ понимать и защищать свои интересы, онъ можетъ ожидать пользы для себя только отъ чуждой справедливости ближнихъ къ нему людей, а не отъ борьбы съ ними, потому что онъ неспособенъ вести ее; онъ долженъ приобретать ихъ дружбу готовностью помогать имъ. Точно такъ же путь, предпринятый здравымъ смысломъ цѣлому племени, находящемуся въ подобномъ положеніи“. Русины такъ въ образъ, по совѣту Чернышевскаго, должны начать съ того, что бы помогать полякамъ,—тѣмъ болѣе, что и поляки, какъ увѣренъ онъ, готовы помогать русинамъ. Хватаясь за замѣчаніе „Слова“, что среди русиновъ по происхожденію есть много ренегатовъ,—перешедшихъ къ полякамъ, Чернышевскій говоритъ: „Вотъ спросили бы вѣрные своей народности русины поляковъ, уважаютъ ли сами поляки отступниковъ отъ русинской національности и одобряютъ ли ихъ?—Вѣроятно, поляки смотрятъ на этихъ русиновъ-отступниковъ точно также, какъ французы смотрѣли на русскихъ, презиравшихъ русскую національность: называютъ ихъ поугалами“.

Чернышевскій подошелъ было очень

близко къ сущности дѣла, усмотрѣвъ въ политической борьбѣ, которая происходила въ Галиціи,—соціальную подкладку,—по совершенно незнанію подробностей дѣла продиктовало совершенно неожиданнымъ и вполне несоотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію дѣла заключеніе. „Слѣдовало бы „Слову“ повнимательнѣе подумать также, надобно ли считать за споръ между національностями тотъ споръ, въ который оно бросается съ такою готовностью и который оно понимаетъ, какъ споръ національностей? Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній, львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый племенному вопросу,—вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той, и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ,—людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебною облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ крестьянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галицкаго спора находится въ сословныхъ, а не племенныхъ отношеніяхъ. И если мы не ошибаемся, то сословная партія, которая представляется львовскому „Слову“ враждебной къ русинской національности, не имѣетъ къ этой національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партія къ чрезвычайно большому уступкамъ въ пользу поселенъ, какъ польскаго, точно также и русинскаго племени. Вотъ объ этомъ бы не мѣшало подумать львовскому „Слову“. Быть можетъ эти уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами,—быть можетъ эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселенъ; а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вѣрнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселене отъ австрийцевъ“.

Приступая къ критикѣ изложенныхъ мыслей Чернышевскаго, мы должны оговориться, что мы вовсе не думаемъ защищать политику галицкой партіи, которую въ то время звали „святоюрскою“ (отъ митрополитаискаго собора св. Юрія въ Львовѣ) и изъ которой потомъ вышла партія такъ называемыхъ „московитовъ“. Мы сами имѣли случай высказаться весьма отрицательно относительно ихъ дѣятельности, поставивъ ей въ укоръ: перевѣсъ эмпирическаго политикализма надъ заботами о проведеніи въ обществѣ реальнаго политическаго образованія, невнимательность къ реальнымъ нуждамъ народа, безусловную покорность австрийскому правительству, къ которой присоединились потомъ неосновательныя надежды на русское правительство, клерикальную и національную узость, которая помѣшала имъ привлечь на свою сторону сочувствіе и польскихъ крестьянъ въ странѣ (См. „Русскіе въ Галиціи“, Вѣстн. Европы, 1873, №№ 2—3). Но мы

должны сказать, что въ статьѣ Чернышевскаго по крайней мѣрѣ не соблюдена мѣра въ накладываніи красокъ: на сторону политиковъ русинскихъ положены все темныя краски, тогда какъ для ихъ польскихъ противниковъ сохранены исключительно свѣтлыя краски и при томъ совершенно произвольныя.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Чернышевскій писалъ свою статью по справкамъ, какія онъ получилъ отъ своихъ польскихъ друзей въ Петербургѣ. Между этими друзьями былъ и Сиг. Сѣраковский, несомнѣнный демократъ, пріятель и Шевченки и, слѣдовательно, человѣкъ лично чуждый стремленій католическихъ и аристократическихъ и даже централистическихъ. Но только врядъ ли онъ достаточно критически относился къ своимъ болѣе его отсталымъ соотечественникамъ даже аристократической партіи, съ которыми такъ или иначе приходилось дѣйствовать вмѣстѣ даже демократамъ польскимъ,—„противъ общаго врага“.

Совершенно понятно, что польскіе дѣятели разныхъ оттѣнковъ мысли должны были постараться привлечь на свою сторону публициста столь талантливаго и вліятельнаго, какъ Чернышевскій и побудить его подать свой голосъ объ украинно-польскихъ отношеніяхъ. Этотъ голосъ могъ бы быть крайне полезенъ для дѣла, особенно въ то время, такъ какъ Чернышевскій превосходилъ своимъ политическимъ образованіемъ тогдашнихъ украинскихъ дѣятелей не только въ Галиціи, гдѣ они отличались крайнимъ клерикализмомъ, но и въ Россіи, гдѣ даже лучшіе и заслуженные украинскіе писатели „Осковы“ (1861—1862) принадлежали, по своему воспитанію, гораздо болѣе къ національно-романтической, нежели къ интернационально-положительной школѣ. Самъ Чернышевскій въ разбираемой статьѣ сдѣлалъ одно чрезвычайно вѣрное замѣчаніе, а именно о „наивности заблужденія, что одного патріотическаго чувства, безъ *политическаго образованія* и такта достаточно для того, чтобы стать полезными для народа предводителями“. — „Нѣтъ, этого мало, говоритъ публицистъ „Современника“,—какъ мало любви къ человѣку, чтобы лечить его. И любишь, да погубишь его своимъ лекарствомъ, если не знаешь медицины“.

Слова эти слѣдовало бы на стѣпкѣ зарубить едва ли не всѣмъ политико-соціальнымъ партіямъ польскимъ, русскимъ и украинскимъ, но только прежнимъ, но и нынѣшнимъ. Но мы должны обратиться къ разбору рецептовъ великорусскаго доктора, прописанныхъ имъ, въ лицѣ Галиціи, для всей огромной полосы Литвы, Бѣлороссіи и Украины.

Увы! оказывается, что эти рецепты были прописаны, можетъ быть, и съ знаніемъ общей медицины, но безъ собственнаго диагноза состоянія того индивидуума, которому они прописывались. Здѣсь мы наталкиваемся на одну, по нашему мнѣнію, характерную особенность великорусскаго общества,—о которой мы предпочитаемъ сказать съ полною откровенностью, хотя бы и подъ опа-

сеніємъ ошибиться, нежели умолчать о ней или сказать недостаточно ясно.

У великорусскихъ публицистовъ вообще замѣтна кака-то неохота, чуть не неспособность, къ всестороннему анализу положенія западно-славянскихъ земель. Неохота эта замѣтна одинаково, какъ у такъ называемыхъ московскихъ славянофиловъ, — которые до того субъективно, исключительно съ своей, старо-московской, православно-великорусской точки зрѣнія смотрятъ на славянство, что собственно не должны бы были и называться иначе, какъ москвофилами, а вовсе не славянофилами, — такъ и у такъ называемыхъ западниковъ, которые то относятся къ западному славянству совсѣмъ отрицательно, то повторяютъ о немъ взгляды, встрѣчаемые въ первой западноевропейской, или же, въ горячія минуты, — въ московско-фильской же книжкѣ. (Какъ это ни странно!) Черта эта, по нашему мнѣнію, объясняется вполне исторіею образованія великороссійскаго общества.

Извѣстно, какъ изображаютъ всѣ иностранные путешественники XVI—XVII ст., не только западноевропейцы, но и сиріецъ Павелъ Алеппскій, узкую субъективность отношеній московскихъ людей къ иностранцамъ. Этотъ субъективизмъ и національно-религіозная исключительность вполне объясняются той изолированностію отъ образованнаго міра, въ какой столь долго жила Русь Московская и какой не знала, до присоединенія къ ней, Русь западная и южная. Со временъ Петра Великаго извѣстная часть великорусскаго общества вышла изъ этой изолированности. Но старая московская исключительность и субъективность продолжаетъ жить въ цѣлыхъ направленіяхъ этого общества \*). Тѣ же, которые отошли отъ узкаго національнаго субъективизма, по большей части тоже не доходятъ до вполне объективнаго космополитизма, т. е. до самостоятельного-критическаго отношенія къ интересамъ всѣхъ народовъ и до способности войти въ положеніе самаго мелкаго народа (каковою способностію въ высшей степени отличаются люди изъ англійскаго общества), а почти всегда усваиваютъ какое нибудь изъ возрѣвѣвшихъ, господствующихъ среди одного изъ западноевропейскихъ національных обществъ, чаще всего, конечно, общества одной изъ большихъ, *государственныхъ* національностей. Невеликорусскіе же славяне, исключая поляковъ, давно уже поставлены въ положеніе народовъ негосударственныхъ. Вотъ въ ихъ то кожу никакъ не можетъ поставить себя огромное большинство великорусскаго общества, поставить такъ, какъ напр. иной англичанинъ умѣетъ войти въ положеніе даже какихъ нибудь зулусовъ, (истребляемыхъ его же соотечественниками). Вотъ почему русскимъ и приходится по-

черпать свои свѣдѣнія даже о черногорцахъ и болгаряхъ, о которыхъ по видимому такъ хлопочетъ русское правительство и избѣстная часть общества, изъ литературы англичанъ, правительство которыхъ столь долго являлось политическимъ врагомъ этихъ народовъ. И вотъ почему русскіе, когда говорятъ о западныхъ славянахъ, то, если не говорятъ о нихъ съ московской точки зрѣнія, такъ разсуждаютъ о чехахъ, какъ пѣмцы, о хорватахъ, какъ венгры, о болгаряхъ, какъ греки и даже какъ турки, объ украинцахъ, какъ поляки и т. д. Если бы мы не боялись удлинить статью, мы бы могли привести въ подтвержденіе десятки примѣровъ изъ великорусской литературы, начиная отъ Вѣлиискаго и оканчивая публицистическою временемъ послѣдней войны \*). Едва ли не единственное исключеніе по своей тонкой внимательности къ положенію каждаго славянскаго племени представляетъ въ великорусской литературѣ „Исторія слав. литературъ“ г. Пыпина, но за то же се такъ и не любятъ московскіе лжеславянофилы и потому же она, не смотря на то, что она вышла вторымъ изданіемъ, въ сущности оказала столь малое вліяніе на общественное мнѣніе и даже на братію, пишущую политическія статьи о славянахъ.

Этотъ субъективизмъ, — домашній, или замкнутый, — въ отношеніяхъ представителей самаго многочисленнаго изъ славянскихъ племенъ къ его сосѣдямъ и единоплеменникамъ изъ негосударственныхъ племенъ всего лучше говоритъ въ пользу необходимости образованія въ каждомъ изъ послѣднихъ партій моральной и политической автономіи. Только такія партіи, при всей своей слабости и неизбежной въ началѣ политической и культурной отсталости сравнительно съ великоруссами, — которыхъ энергія не раздвигается борьбою за національность и независимость, — въ состояніи хоть со временемъ представить вѣрно интересы негосударственныхъ племенъ, и оказывать свое вліяніе и на представителей племенъ государственныхъ. Только изъ совокупности усилій этихъ партій и взаимнаго вліянія націй государственныхъ и негосударственныхъ и можетъ выйти здоровая солидаризація дѣйствій всѣхъ племенъ восточной Европы, такъ необходимая для великихъ и малыхъ племенъ. До сихъ же поръ, видя отношеніе къ положенію негосударственныхъ племенъ даже такихъ людей, какъ Вѣлиискій и Чернышевскій, приходится по меньшей мѣрѣ сказать, — что если сытый голоднаго не понимаетъ, — то ему лучше бы всего и не говорить вовсе о дѣлахъ голоднаго человека.

Обсуждая украинско-польскія отношенія, Чернышевскій не только не поилъ голоднаго, — или по крайней мѣрѣ болѣе голоднаго, но даже изложилъ его положеніе, главнымъ образомъ на основаніи показаній того, кто у него отнимаетъ хлѣбъ. Чернышевскій не далъ себѣ труда не только изучить положеніе дѣлъ въ Галиціи, но и изло-

жить его или совершенно произвольно, или съ голоса польскихъ историческихъ патріотовъ. Такъ наиримѣръ совершенно фантастичнымъ является у него предположеніе, что въ Галиціи русины-землевладельцы (помѣщики) одинаково относятся къ русинамъ-крестьянамъ, какъ и землевладельцы-поляки. Никакихъ русиновъ помѣщиковъ не существуетъ въ Галиціи, какъ и по всей Украинѣ на правомъ берегу Днѣпра, — и сдѣловательно всѣ выводы, какіе строятъ дальше великорусскій демократъ на своемъ предположеніи, не имѣютъ ровно никакого значенія. Положеніе же, что будто „сословная партія польская въ Галиціи не имѣетъ къ русинской національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу эта партія теперь (1861) расположена къ чрезвычайно большымъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, такъ и русинскаго племени“, — взято на вѣру у польскихъ оптимистовъ и тоже совершенно противно тому, что было и есть въ дѣйствительности. Предположеніе, же, что будто какіе нибудь землевладельцы in concreto могутъ быть расположены къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, даже и а priori должно бы было показаться невѣрнымъ такому хорошему экономисту, какъ Чернышевскій. Опъ первый бы передалъ въ редакцію „Свѣтика“ подобное положеніе, если бы оно доставлено было ему напр. изъ Владимірской губерніи, — а польскимъ оптимистамъ опъ поверилъ!

Казалось бы, и въ 1861 г. было бы излишнимъ говорить великоруссамъ, что въ *Галиціи (Восточной), какъ и во всей Украинѣ до Днѣпра, — никакого польскаго народа нѣтъ, а есть только помѣщики, — и что на оборотъ эти помѣщики тамъ почти всѣ поляки*. А между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что это нужно повторять и до сихъ поръ. А такъ какъ поляки въ этомъ краѣ и теперь составляютъ сословіе, по теперешнему ходу вещей господствующее, то, конечно, борьба съ ними представителей націй мужицкой является вовсе не борьбою изъ за воспоминаній о старинѣ. Антагонизмъ русиновъ и поляковъ въ Украинѣ это не то, что антагонизмъ французовъ и англичанъ, русскихъ и татаръ, — а подобенъ борьбѣ сербовъ и турокъ напр. въ Босніи, съ тою только разницею, что польская аристократія, — а въ Галиціи и польская бюрократія, — уже въ силу своей цивилизаціи, высшей, чѣмъ турецкая, присоединилась къ своскорыетію сословному еще и стремленію къ денационализированію подчиненнаго ему мужицкаго племени. Отрицать борьбу польскаго аристократо-бюрократическаго элемента противъ украинской національности въ Галиціи такъ же странно, какъ отрицать стремленія Пруссіи германизировать поляковъ въ Познаніи: манія оффиціальныхъ народностей проявляла себя довольно сильно по всей Европѣ и въ 1861 г., какъ и теперь. И эта манія должна была явиться тѣмъ сильнѣе напр. въ Галиціи, гдѣ навязываемая народности имѣетъ себѣ поддержку въ экономическихъ привилегіяхъ. Помѣщикъ и представитель оффиціальнаго помещиства въ Галиціи слышитъ до того, — что одинъ не только пораздѣлитъ отъ дру-

\*) Прекрасную критику этой исключительности въ отношеніяхъ московскихъ лжеславянофиловъ къ западнымъ славянамъ см. въ статьяхъ Чернышевскаго «Народная беззаконность» (Современникъ, 1861 г. октябрь) и «Самозванные старейшины», (тамъ же, 1862 г. мартъ). Въ послѣдней опъ разбираетъ коллективное посланіе москвичей къ сербамъ, въ которомъ всѣ неправославные народы (въ томъ числѣ и хорваты) названы «врагами человечества».

\*) Отношенія Вѣлиискаго къ украинцамъ, сербамъ и болгарамъ мы разобрали въ предисловіи къ изданію нами «Писемъ В. Гр. Вѣлиискаго къ Н. В. Гоголю». Женева, 1880.

гаго, по стремление послѣдняго усиливаетъ эгоизмъ перваго,—такъ какъ очевидно, что если русинскіе крестьяне получать экономическое обезпеченіе, то у нихъ усилятся и сознание своей національной самостоятельности, — и на оборотъ если среди нихъ разовьется образованіе и сознание своей національности, то они тѣмъ болѣе захотятъ свергнуть съ себя и экономическое иго польскихъ помѣщиковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣжно *раздѣлъ* этого послѣдняго куска исторической Польши въ видѣ австрійской провинціи! Вотъ почему польскія партіи восточной Галиціи, не исключая и демократовъ являются такими ожесточенными противниками и социально-экономическими, и національными (политическими и культурными) стремленій русиновъ.

Все сказанное подтверждается цѣлою исторіей аграрно-национальных отношеній Галиціи съ самаго 1831 г.,—если уже не заходить дальше. Въ 1848 г. польскіе помѣщики и даже выборы отъ городовъ, вмѣсто уступокъ поселенцамъ, требовали въ вѣнскомъ парламентѣ выкупа барщинны; — въ пятидесятые и шестидесятые годы, — какъ разъ тогда, когда писалъ свою статью Чернышевскій, — они настаивали и настояли на крайне невыгодномъ для крестьянъ рѣшеніи вопроса о сервитутахъ (пользованіи лѣсами и выпасами), на сохраненіи за помѣщиками, противной даже буржуазной экономіи, привилегіи содержанія шинковъ (пропінация) и т. д. Что до національнаго вопроса,—то въ 1848 г. польскія партіи самымъ ожесточеннымъ образомъ сопротивлялись признанію русиновъ самостоятельнаго націею и передъ австрійскимъ правительствомъ, и передъ славянскими съѣздомъ въ Прагѣ, и передъ имперскимъ парламентомъ въ Вѣнѣ. Въ 60-ые годы, почти въ одно время съ статьею Чернышевскаго, появились даже въ польскихъ изданіяхъ въ Россіи статьи, такъ же отрицающія самое существованіе украинской народности съ польской точки зрѣнія, какъ стали потомъ отрицать ее Катковы и Аксаковы съ московской точки (См. напр. статью Жоховскаго въ „Biblioteka Warszawska“, 1861, № 12, корреспонденція изъ Львова въ „Gazeta Warszawska“, 1861, № 304 — 310; въ Галиціи около этого времени вышла брошюра извѣстнаго польскаго историка, Генр. Шмидта: *Kilka słów o kwestyi rusińskiej*, — статьи въ „Rada Familijna“, статьи въ *Czas* и, во Франціи, въ „Revue Contemporaine“, на которыя отвѣчалъ Костомаровъ въ Основѣ 1861 и т. д.

Всю эту литературу польскаго сочиненія, радикально отрицающую самое существованіе русиновъ, какъ отдѣльнаго отъ поляковъ народа, очень не трудно было знать и нтербургенскимъ политикамъ, равно какъ и характеръ аграрной политики тогдашнихъ польскихъ партій въ Австріи. Не трудно было провѣрить и то, на сколько было правды въ утѣреніяхъ, которыя по временамъ исходили изъ этихъ партій, что крестьяне и русины въ Галиціи, если имѣютъ на кого жаловаться, то вовсе не на польскихъ политиковъ, у которыхъ будто бы руки связаны, а на Вѣну, — увѣренія, какія проинесли въ статью Чернышевскаго.

Во первыхъ, вовсе не думая идеализировать вѣнскую королевско-цесарскую бюрократію, мы должны признать, что, если крестьяне, и въ частности русины, въ Галиціи, въ теченіи XIX в. видѣли хоть тѣнь добра съ верху,—то все таки они видѣли ее только отъ австрійской бюрократіи (рядомъ, конечно, съ такими благами, какъ рекрутчина), а не отъ польской аристократіи,—что понятно уже и а priori, такъ какъ вездѣ на свѣтѣ цезаризмъ скорѣе можетъ задуматься что либо, хоть небольшое, полезное для массъ, чѣмъ аристократія. А во вторыхъ, польская аристократія всегда имѣла довольно силы, чтобы сдѣлать добро для крестьянъ и русиновъ, если бы того захотѣла,—всегда имѣла больше доступу и въ Вѣну, нежели мужичье мазурское и русинское \*). Со смерти Іосифа II до самаго 1846 г. никто, какъ польская аристократія, правила Галиціей руками помѣщиковъ, присылаемыхъ изъ Вѣны,—и за тѣмъ послѣдъ нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкой диктатуры, та же аристократія вмѣстѣ съ буржуазіей постепенно, въ лицѣ гр. Голуховскаго,—забрала въ свои руки бюрократію, а потомъ и сеймъ въ странѣ. При этомъ польскія партіи, укоряя русинскихъ политиковъ за сервилитъ передъ Вѣной (и укоряя по нашему, совершенно справедливо) сами вовсе не гнушались напускать ту же Вѣну на русиновъ, постоянно пугая австрійское правительство русинскимъ сепаратизмомъ, то москвофильскимъ, то украинно-казацко-фильскимъ, съ прибавкою гайдамачины.

Публицистъ „Современника“ совершенно не понялъ двухъ очень характерныхъ черточекъ галицкой жизни, которыя ему попались въ львовскомъ „Словѣ“ и совершенно напрасно потратить, по поводу ихъ, свою пропію надъ русинскою газетою. Первая изъ этихъ черточекъ: объясненіе „Слова“ съ польскими газетами по поводу того, что оно печатается „россійскими“ буквами (т. наз. „гражданка“ или шрифтъ Петра Великаго), которыя „Слово“ старается оправдать тѣмъ, что онѣ сначала употреблялись малороссами, отъ которыхъ заимствовали ихъ

\*) На сколько въ Россіи и до сихъ поръ много освѣдомлены съ настроеніемъ галицко-польскаго общества, можно видѣть напр. по слѣдующему отрывку изъ статьи г. Спасовича „Новѣйшая исторія Австріи“: „Депутаты-поляки изъ Галиціи были озлоблены на гр. Стадіона (былъ помѣщикомъ въ Галиціи) смертельно не за отбѣну барщинны (барщина и крѣпостное право были въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшенными), но за то, что онъ облагодѣтельствовалъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ (!) отъ имени правительства. Стадіонъ усилилъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польскаго движенія“ (Вѣст. Евр. 1873, май 137—138). Но, во первыхъ, самъ же г. Спасовичъ въ началѣ своего труда (Вѣст. Евр. 1866, II, 320—321), разсказывая о вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., говоритъ: „польскіе помѣщики, не смотря на связи свои съ лѣвою нѣмецкою стороною и на то, что они старались вслѣдствіе представитъ, будто не дѣлать крестьянъ землею совершенныя по ихъ доброй волѣ, и правительство только присвоило себѣ плоды того, что они сами порѣшили, требовали однако возможно большаго и непомѣрнаго возвышенія цѣны крестьянскихъ участковъ“. А во вторыхъ, у польскихъ помѣщиковъ всегда было столько земли, что они во всякое время могли подарить ее крестьянамъ. И теперь не поздно!

Петръ Великій. Дѣло въ томъ, что въ крайнемъ желаніи помѣнать развитію русиновъ, польскіе патріоты въ Галиціи настаиваютъ на томъ, что если уже должно существовать у русиновъ свое писмо, отдѣльное отъ польскаго, — (что уже признано австрійскимъ закономъ) то оно должно оставаться старое, церковное; употребленіе же „гражданки“ есть молъ признакъ сепаратизма къ Россіи! И въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, въ галицкій сеймъ внесенъ запросъ русинскихъ депутатовъ по поводу того, что польскіе чиновники требуютъ отъ русиновъ писанія бумагъ церковными каракулями, вм. болѣе курсивной „гражданки“, которую польскіе чиновники признаютъ писмомъ „московскимъ“ и слѣдовательно незаконнымъ. Въ то время, когда писалась статья Чернышевскаго, „гражданка“ только что начала входить въ употребленіе въ Галиціи, и Вѣна была завалена доносами на эту „гражданку“. Мы сами вовсе не любители этой „гражданки“ и рады были бы, если бы и въ самой Москвѣ писали латинскими буквами (только, конечно, не польскою ихъ формою, запутанною и нелогичною), но тѣмъ болѣе мы противъ осужденія галичанъ на писаніе церковными каракулями и еще болѣе противъ пропаганды латинскаго шрифта посредствомъ доносцовъ австрійскому правительству. А такой смелый доносъ имѣютъ всегда жалобы польскихъ газетъ, что русины пишутъ „московскою гражданкою“.

Подобное же значеніе имѣла въ „Словѣ“ и прописная благодарность полякамъ, которые „готовы сочувствовать развитію русинской литературы“. Чернышевскій неслышалъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ и прочелъ потацію львовской газетѣ. Между тѣмъ достаточно было знать хоть напр. статьи варшавскихъ и виленскихъ изданій о Шевченкѣ, котораго такъ уважалъ Чернышевскій, чтобы видѣть, каково было сочувствіе большинства польской печати къ самостоятельной литературѣ у русиновъ. Всякое стремленіе русиновъ создать литературу, которая бы не была только провинциальною разновидностью польской (какъ это было у Падуры и его послѣдователей) встрѣчалось польскою печатью столь же враждебно, какъ стали потомъ встрѣчать его враждебно московскіе централисты. Послѣ 1848 года въ Галиціи русинская литература признана была оффициально, и послѣ того въ тамошнемъ польскомъ обществѣ постепенно установилось къ ней двойственное отношеніе: рядомъ съ отрицаніемъ—претензія регулировать эту литературу, конечно, если можно, то и съ помощью бюрократіи. Та галицкая русинская литература, какая захвачена была событіями 1848 г., примыкала по языку и духу къ южнорусской полудеревенской литературѣ XVI—XVII в. (XVIII вѣкъ для Галичины, послѣ отдѣленія ея отъ казацкой Украйны, пропалъ еще болѣе даромъ, чѣмъ пропалъ онъ для Поддѣбровыхъ). По сей лишь слегка прошли вліянія великорусской высокопарной литературы до-карамзинскаго періода и отголоски начинавшейся новой украинской литературы, сначала сентиментальной и романтической,

по всегда демократической. \*) В период торжества бюрократии в Австрии и особой ярости николаевской реакции в России в Галицию проникало из России только московское, погодническое влияние и там зародилась школа, которую и представляет „Слово“. Впрочем школа эта, хоть и ложною дорогою, но все же отчасти шла к выходу из узких рамок австро-униатского легитимизма и клерикализма. Не имея уже силы подавить советский русинский движение, польские его противники стали стараться, чтобы оно сохранило по крайней мере старое, раз уже признанное, узкое направление — и упрекали новое, во всяком случае более свитское и более независимое московфильское направление в политической измине Австрии и в то же время в измине настоящим интересам русинской национальности, которые теперь, конечно, лицемерно, брала защищать польская печать. По смерти Николая I стало вновь организовываться в России народно-украинское направление. Польская печать в России встретила его враждебно, — но в то же время в галицкой польской печати стали изредка раздаваться голоса, которые, порицая русинских патриотов за их церковно-московское направление и язык, ставили им в пример украинский писателей, пишущих чистым народным языком. Но чуть только украинская литература породила и в Галиции (1862—1863 г.) заметное демократическое движение, как сейчас же польская печать закричала о казакомании и повом „гайдамаком“, но все таки московском панславизме, как об опасности и для польской идеи, и для Австрии \*\*). Когда между 1863 и 1867 г. в Галиции обнаружился существенный раскол между клерикально-московскими и народно-украинфильскими группами, и когда русское правительство, вслед за голосами московских централистов, наложило руку на украинскую литературу и школу (в первый раз в 1863 г.), — то польская печать, опять таки лицемерно, приняла галицких украинчиков под свое покровительство и знала, что они еще слабы на парламентском полѣ, стала противопоставлять их старой русинской партии, как „настоящих русинов“, с которыми будто бы поляки могут договориваться, — не то что с московфилами, измѣнниками своему народу и слугами деспотизма, которые хотят привести „Москву и скизму в последнее убижище Польши“. Но эти фразы не вели за собою никаких практических уступок и „настоящим русинам“, — а едва только и эти последние начали становиться силою, с которою нужно было считаться, — так и на них посыпались те же обвинения, которые сыпались прежде на московфилов.

\*) Подробности в подтверждение того, что мы здесь говорим, читатель может найти в вышеупомянутой статье нашей „Русские в Галиции“ и в ее продолжении „Литерат. движение в Галиции“.

\*\*) Как характерно это единство приемов польских и московских централистов, в Австрии и России: что для одних „московские рубли“, то для других „польская шитрага“, в число „агентов“ которой произвел „честный“ г. И. Аксаков (Русь. 1 авг. 1881 г.) и пишущаго эти строки!

А между тем, если действительно галицкие поляки примирились с признанием русинов, как отдельной культурной и политической нации, то казалось бы, что может быть проще, как предоставить самим русинам разбираться, кто из них настоящий, а кто ненастоящий русин, и отказаться от всяких претензий регулировать русинскую литературу, да еще административными мерами и политическими допосами?! Вот же этой претензии на протекторат говорил о и „Слово“, когда оно иронически отнеслось к заботам польских газет о русинской литературе, — а публицист „Современника“, по незнанию местных условий, укорил русинскую газету в неблагодарности!

Похожее на то, что происходило в 1848—1849 и в 1860—1861 гг. в Галиции, настало в 1860—1863 гг. в приднпровской Украине, когда здесь поднялся крестьянский вопрос, а вместе с тем столкнулись стремления польских и украинских. Здравый политический расчет, действительно, должен бы был побудить поляков относиться благоприятно к украинскому движению и в то же время сделать серьезные уступки крестьянам. Но о первом почти никто из поляков, даже в чисто польских землях не думал, — а о втором, хотя и говорили немногочисленные некрепкие демократы, — но их советы оставались без приложения. Словенные расчеты и инстинкты национального господства превозмогли в польских папках правобочной Украины, как и вездѣ, — соображения здравомысленного патриотизма и либерализма. — А несправедливо к нарождающейся новой правительственной силѣ, представляемой украинскими кружками, за которыми непременно должны были последовать кружки литовские и бело-русские, кружками, которым польские папы дали имя „хлопоманов“ (из чего послѣ в России сдѣлал слово „хохломанія“) и страх перед крестьянами, которые раньше или позже должны были проводить о стремлениях образованных хлопоманов, заставили польских папов и тут, как и в Австрии, попробовать направить против своих конкурентов готовую силу, — правительство!

Положение украинских хлопоманов непосредственно перед возстаніем 1863 г. всего лучше характеризуется статьею г. Вл. Антоновича в „Основѣ“ 1862 г., № 1 „Моя исповѣдь“, из которой мы считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующую выдержку, такъ какъ она, по нашему мнѣнію, сохранила въ значительной степени свою современность и въ настоящую минуту:

„Въ заключеніе вашей статьи, г. Падалица, вамъ угодно было обратиться къ моей личности съ эпитетомъ „перевертень“. — Я вамъ за это некрепко благодаренъ — не потому, чтобы я полагалъ, что моя личность особенно интересна для васъ или для кого нибудь изъ читающихъ, и не потому, чтобы я самъ слишкомъ о ней заботился, а по-

тому, что разъясненіе сказаннаго вами эпитета хоть сколько нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей опредѣлить себѣ свое положеніе въ южно-русскомъ краѣ. Да — г. Падалица, вы правы! Я действительно „перевертень“, — но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово „отступникъ“ не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человекъ отступился и къ какому именно присталъ; иначе слово это лишено смысла — это пустой звукъ. Действительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки папичей, и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я извѣстилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посятельствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что Поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками и неуслышнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ... или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскими народами, для того чтобы не прибавлять собою еще одной тупеядной личности, для того чтобы наконецъ избавить самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что впрочемъ все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошанный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ непороченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними растаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, — изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздражающую сердце пѣсню, но одно честное дружественное слово (хоть я былъ и папичъ), не одну трагическую повесть о истлѣвшей въ скорби и бесплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшилъ

\*) Статья г. Антоновича есть отвѣтъ на одну изъ статей довольно вліятельнаго въ тогдѣшнемъ польскомъ обществѣ писателя, Падалицы, который выступилъ было съ полемикой и противъ Костомарова, по поводу его трудовъ о козачинѣ. Костомаровъ отвѣчалъ ему въ „Современникѣ“.

ся разстаться съ шляхтою и вѣзмъ ся прав-  
ственнымъ достоинствомъ, я испробовалъ всѣ  
пути примиренія; вы знаете и то, какъ были  
съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки  
угворить вельможныхъ къ человѣчному  
обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о  
просвѣщеніи народа, основанномъ на его  
собственныхъ національныхъ началахъ, къ  
признанію южно-русскимъ, а не польскимъ,  
того, что южно-русское, а не польское; вы  
были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя  
мысли возбудили, вначалѣ, смѣхъ и смѣхъ,  
потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные  
доносы и наемки о колѣнничѣхъ. Послѣ это-  
го, конечно, оставалось или отречься отъ  
своей совѣсти, или оставить ваше общество:  
— я выбралъ второе, и надѣюсь, что тру-  
домъ и любовью заслужу когда нибудь, что  
украинцы признаютъ меня сыномъ своего  
народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить  
съ ними. Надѣюсь тоже, что, со временемъ,  
среди польскаго шляхетскаго общества, жи-  
вущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и  
сознаніе необходимости трудиться на его  
пользу — раньше или позже станетъ прав-  
ственной потребностью не только отдѣль-  
ныхъ лицъ — какъ теперь, а вообще всѣхъ,  
кто въ силахъ будетъ обсудить свое поло-  
женіе и свои обязанности, и не предпочтетъ  
мечты насущному, вызванному собственною  
совѣстью, дѣлу. И такъ, г. Падалица, вы  
правы! я — *перевёртень*, и я горжусь этимъ,  
такъ тошно, какъ я гордился бы въ Аме-  
рикѣ, еслибъ сталъ аболіціонистомъ изъ  
плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣ-  
тивъ свой образъ мыслей, я изъ написта  
сдѣлалъ честнымъ, трудолюбивымъ слугою  
общенароднаго дѣла“.

Группа „хлопомановъ“ была сначала не  
совсѣмъ многочисленна среди польской (или  
говорятъ тогдашнимъ оффиціальнымъ выраже-  
ніемъ — „католической“) молодежи въ Кіевѣ,  
— но когда нѣкоторые изъ нихъ такъ ра-  
дикально поставили вопросъ, какъ г. Анто-  
новичъ, — (а такъ пришлось поставить его  
именно въ 1861 г., когда и въ Кіевѣ при-  
шелъ сигналъ готовиться къ возстанію за  
возстановленіе исторической Польши), — груп-  
па эта сократилась до нѣсколькихъ чело-  
вѣкъ, которые примкнули къ группѣ „пра-  
воставныхъ“ украинцевъ, состоявшей почти  
исключительно изъ лѣвобережцевъ. Испу-  
гавшись радикальной постановки вопроса  
національнаго, бывшіе поляки-хлопоманы  
и тѣ изъ демократовъ, которые сначала  
сочувствовали имъ, пошли на уступки по-  
лѣбчивѣй партіи и по вопросу социально-  
экономическому. Причину этой уступчивости  
оцѣнилъ довольно вѣрно другой молодой  
хлопоманъ, котораго имя гремѣло тогда  
по польскимъ панскимъ дворамъ и газетамъ,  
имѣлъ съ именемъ г. Антоновича, какъ бу-  
дущихъ Гюгги и Зализняка, — г. Рыль-  
скій въ надѣлавшей тогда много шуму въ  
киевскихъ кружкахъ и въ самомъ дѣлѣ  
очень любопытной статейкѣ „Дворяне пра-  
ваго берега Днѣпра“, въ „Основѣ“ 1861,  
№ 12 \*).

\* Вотъ въ какомъ винегретѣ изображали своей  
рубрикѣ киевскихъ хлопомановъ тогдашній польскій  
газета: „Въ киевскомъ университетѣ возникла пар-  
тія русская, такъ называемые хлопоманы, по на-

Очертивъ разные виды дворянъ праваго  
берега Днѣпра, г. Рыльскій говоритъ о  
демократической молодежи: „Но отъ всѣхъ  
этихъ отщыпковъ рѣзко отдѣляется значи-  
тельная часть болѣе просвѣщенной здѣш-  
ней молодежи. Они въ самомъ дѣлѣ доволь-  
но искренно сочувствуютъ положенію на-  
родной массы, они готовы на личныя по-  
жертвованія въ пользу своихъ идей, но у  
нихъ есть кой какія преданія, почерпну-  
тыя изъ той среды, изъ которой они выш-  
ли и которая ихъ заставляетъ перѣдко  
противодѣйствовать интересамъ народной  
массы... Такъ нѣкоторые изъ нихъ защи-  
щаютъ слѣдующій силогизмъ: потребности  
народа выражаются въ его просвѣщенныхъ  
представителяхъ; такъ какъ болѣе просвѣ-  
щенная часть здѣшняго общества (*inteli-  
gencija kraju*) ополчилась, то, значитъ,  
здѣшній край польскій. И эти люди счита-  
ютъ себя демократами!“

Болѣе радикальные изъ этихъ людей  
были авторами „Золотой Грамоты къ сель-  
скому люду Польши, Подоли и Украинъ“  
и погибли съ нею въ печальные дни кон-  
ца Апрѣля и начала Мая 1863 г., — и что  
всего ужаснѣе, погибли, не заронивши въ  
убивавшихъ и арестовывавшихъ ихъ крестья-  
нахъ ни зерна мысли, которая могла бы  
со временемъ лечь въ основу новой попытки  
къ борьбѣ за свободу края и благо народа!  
Крестьяне-украинцы были ихъ, какъ пред-  
ставителей гнета социальнаго и національ-  
наго, сосредоточеннаго для нихъ въ одномъ  
словѣ — „Польша“!

Эта неизбежная участь была предсказана  
польскимъ демократамъ на Украинѣ послѣ-  
довательными „хлопоманами“ еще въ 1861 г.  
Но едва только молодые хлопоманы заявили  
своимъ товарищамъ свой отказъ принять  
участіе въ польскомъ возстаніи, какъ сей-  
часъ г. Антоновичъ былъ потребованъ къ  
мѣстному предводителю дворянства, гдѣ  
нашелъ цѣлый сеймикъ дворянъ, который  
потребовалъ отъ него отказа отъ хлопо-  
манской деклараціи, угрожая въ против-  
номъ случаѣ преслѣдованіемъ со стороны  
русскаго правительства! Отказа, конечно,  
не послѣдовало, — и за тѣмъ гг. Анто-  
новичъ и Рыльскій были дѣйствительно при-  
влечены къ слѣдствію со стороны секрет-  
ной политической комиссіи при генераль-

ушенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Ива-  
ннича, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п.  
Изъ ядръ этой партіи, во имя любви къ народу,  
братскаго рабства и т. п. хорошихъ вещей про-  
изошли миссіи по краю, будто бы для обороны  
народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шлях-  
ты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Пра-  
вительство смотрѣло на то сквозь прозрачную за-  
вѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и  
даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой  
цѣли Антоновича, Рыльскаго и т. п. сумасшед-  
шихъ, очарованныхъ московскою кланкой, которые  
совсѣмъ отрелись отъ любви къ Польшѣ, чтобы  
осуществить составленную ими малорусскую уто-  
пію. Всесильная пропаганда по надъ берегомъ Днѣ-  
пра въ традиціонной области казачества, похороны  
Шевченко, устроенная для него могила, путеше-  
ствія къ этой Меккѣ малорусскаго народа, введен-  
ные хлопоманами, — все это дѣлаетъ на народъ силь-  
ное впечатлѣніе. (Tygodnik Poznafiński, 1863, № 3).  
Опытъ таки, подобныя винегреты можно встрѣтить  
теперь въ доносахъ московскихъ централистовъ на  
ихъ противниковъ.

губернаторѣ „за коммунистическую пропа-  
ганду среди крестьянъ“. Только общее, еще  
тогда конфузное, настроеніе правительства  
и благодушіе тогдашняго кіевского ген.  
губернатора, кн. Васильчикова, сохранили  
ихъ отъ ссылки въ восточныя губерніи.

О такихъ характерныхъ фактахъ и вообще  
объ украинской „хлопоманіи“ и отношеніи  
къ ней польскаго общества и печати совсѣмъ  
ничего не знали въ великорусскихъ оппо-  
зиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ. О  
дѣлѣ гг. Антоновича и Рыльскаго въ „Ко-  
локолѣ“ находимъ только слѣдующую замѣт-  
ку: „Правда ли, что братья (?) Рыльскіе,  
студенты кіевского университета, сосланы  
въ Казань, по доносу князя Васильчикова,  
за то что они обращаются по братски съ  
своими крестьянами?“ (Колок., 1 Юни, 1861)  
Положимъ, живя въ Лондонѣ, издатели „Ко-  
локола“ съ трудомъ могли знать, кто донесъ  
„на братьевъ Рыльскихъ“, — хотя и тамъ  
можно было хоть просматривать „Основу“. Но  
въ Россіи можно было съ большимъ  
удобствомъ знать, что дѣлалось въ томъ  
краѣ, гдѣ тоже должно было, при поддерж-  
кѣ и великорусской оппозиціи, совершиться  
польское возстаніе, — по великорусскіе ре-  
волюціонные кружки въ столицахъ и на  
Поволжьи, гдѣ готовили крестьянское воз-  
станіе, одновременно съ польскимъ, — не  
только того не знали, но, сколько мы пом-  
нимъ, по бесѣдамъ съ нѣкоторыми изъ при-  
ѣзжавшихъ тогда въ Кіевъ изъ Петербурга  
членовъ „Земли и Воли“ и однимъ членомъ  
казанскаго кружка, можно сказать, не хотѣли  
знать. \*) Великорусскимъ демократамъ  
казалось, что „тотъ не любитъ свободы“, кто  
не сочувствуетъ польскимъ стремленіямъ,  
а тѣмъ болѣе кто считаетъ нужнымъ  
противудѣйствовать имъ въ чемъ бы то ни  
было.

Отчасти такое отношеніе къ „польскому  
дѣлу“ далекихъ отъ западнаго края рус-  
скихъ объясняется совершенно естественною  
реакціею противъ крайне безтактной и тупой  
политики правительства. Реакція эта осо-  
бенно должна была быть сильною среди  
тѣхъ изъ образованныхъ русскихъ, которые  
судьбою были заброшены въ самую корен-  
ную Польшу. Здѣсь образовался „комитетъ  
русскихъ офицеровъ“, который находился  
въ сношеніяхъ съ кружкомъ „Земли и Воли“  
и съ лондонскою эмиграціей. Комитетъ этотъ  
обнародовалъ 5 ноября 1862 г. прокламацію  
къ „офицерамъ русскихъ войскъ“, въ кото-  
рой слѣдующимъ образомъ объявлялъ при-  
чины своего присоединенія къ польскому  
возстанію:

„Наше положеніе исключительно. Прави-  
тельство распоряжается въ польскихъ го-  
родахъ такъ, что народъ долженъ потерять  
всякое терпѣніе и возстать, даже не расчи-

\*) Очень жаль, что до сихъ поръ такъ мало  
извѣстно опредѣленнаго о казанскихъ революціон-  
ныхъ кружкахъ, а между тѣмъ они, какъ и харь-  
ковский кружокъ, арестованный въ началѣ 1860 г.,  
представляютъ самыя раннія попытки революціон-  
наго дѣйствія при Александрѣ II, и по нѣкоторымъ  
частностямъ, дошедшимъ до насъ, въ нихъ федера-  
тивная идея была яснѣе сознаваема, чѣмъ въ пе-  
тербургскихъ кружкахъ „Земли и Воли“. Нѣкото-  
рыя данныя о казанскихъ кружкахъ см. въ „Под-  
польномъ Словѣ“ 1866, № 2.

тывал, — будетъ удача, или нѣтъ. Обстоятельства все ближе и ближе подходятъ къ минутѣ, когда намъ придется быть палачами Польши, или приставать къ возстанію.

„Мы не хотимъ быть палачами....“

„Центральный Варшавскій комитетъ, столичный комитетъ въ главѣ польскаго движенія, заявили намъ, что его цѣль — надѣленіе всѣхъ (?) польскихъ крестьянъ землею, уравненіе всѣхъ правъ и уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ петербургскаго и другихъ имѣдскихъ правительствъ и признаніе за всѣми областями, соединенными (?) съ Польшей воспоминаніями прошедшаго (!), права располагать собою — помимо всѣхъ государственныхъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши солдаты готовы примкнуть къ польскому возстанію, потому что тѣ же основанія и нашей русской свободы“.

Вотъ тутъ то и принимаешь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ инстинктовъ и о необходимости политическаго образованія и такта для общественной дѣятельности. Одно дѣло — не хотѣть быть чѣмъ либо палачемъ, — и совсѣмъ другое дѣло — присоединиться къ программѣ, которая идетъ въ разрѣзъ съ основами собственныхъ политическихъ стремленій и связать свое дѣло съ дѣломъ, которое, при внимательномъ анализѣ, оказалось бы и чужимъ, и безнадежнымъ даже со стороны возможности оставить по себѣ ясную руководящую идею... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „комитета русскихъ офицеровъ“, Потебня, кажется, наконецъ замѣтилъ свою ошибку, но поздно! Попавши въ лагерь Дангевича, который между прочимъ писалъ въ одной изъ своихъ прокламаций (отъ 9 февраля 1863 г., къ дворянамъ воеводства Сандомирскаго) что онъ не потерпитъ возобновленія рѣзни крестьянами наговъ, какъ въ Галиціи въ 1846 г., Потебня писалъ своимъ друзьямъ (3 марта): „Пишу къ вамъ изъ лагеря Дангевича. Я рѣшился остаться здѣсь... Надежды сдѣлать что нибудь мало. Попробуемъ“... (Колоколъ, № 162). Черезъ нѣсколько дней Потебня „во время сраженія, не смотря на всѣ убѣжденія, схватилъ кося, — во главѣ колонны пошелъ въ атаку и погибъ“... (тамъ же).

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

Письмо четвертое. \*)

Поверхностность и односторонность сужденій о политикѣ въ русской печати и въ русскомъ обществѣ подали автору этихъ писемъ мысль очертить различныя категоріи вопросовъ, одинаково входящихъ, по его мнѣнію, въ область политики и состоящихъ въ тѣсной связи между собою, а въ тоже время и указать на ихъ относительное значеніе для государства и на современную постановку

ихъ въ наукѣ и жизни европейскихъ народовъ. Только такимъ путемъ кажется ему возможнымъ полное уясненіе цѣлей политической науки и политической дѣятельности вообще, и въ нашемъ отечествѣ въ особенности.

Мыслителя невольно поражаетъ крайняя неравномѣрность въ разработкѣ политическихъ вопросовъ въ теоріи и въ опытахъ ихъ рѣшенія на дѣлѣ. Только малая часть этихъ вопросовъ носила до сихъ поръ названіе политическихъ и считалась исключительнымъ предметомъ политики. Другіе напр., социально-экономическіе, не только, долгое время, не признавались политическими вопросами, но даже противопоставлялись имъ, какъ будто они взаимно исключали другъ друга. Практическіе государственные дѣятели придавали гораздо болѣе важности внѣшнему могуществу или благоустройству управленія, нежели народному благосостоянію или довольству; между теоретиками, напротивъ, одни — экономисты, суживали понятіе о государствѣ до одного внѣшняго поддержанія порядка, другіе — социаллисты отвергали самое существованіе государства. Такимъ образомъ становится понятнымъ чрезвычайное богатство теоретическихъ изысканій на этомъ поприщѣ и чрезвычайная бѣдность практическихъ опытовъ; только въ послѣднее время явились попытки систематической социально-экономической дѣятельности, а одновременно и въ теоретическихъ сферахъ произошелъ поворотъ въ возрѣніяхъ на государство и его предѣлы.

Совершенно иная судьба вопросовъ національныхъ. Они были сразу рѣшительно поставлены на очередь стихійною силою народныхъ движеній. Оснащать ихъ реальное значеніе для политики не долго могли даже дипломаты и государственные люди старой школы, видѣвшіе въ поднятій этихъ вопросовъ величайшую опасность для основанныхъ на старомъ историческомъ правѣ государствъ. Другіе политическіе дѣятели поняли безполезность борьбы со стремленіями національностей и выгоду союза съ ними, въ видахъ расширенія территоріи и увеличенія могущества своего государства. Движенія, во главѣ которыхъ стали гениальные люди, въ нѣсколько лѣтъ разрушили порядокъ вещей, созданный вѣками и радикально измѣнили распредѣленіе силъ въ Европѣ.

Нельзя сказать, однако, чтобы эти колоссальные результаты привели къ разрѣшенію національнаго вопроса вообще: отношеніе національности къ государству и различныхъ національностей между собою, границы, опредѣляющія сферу интересовъ національныхъ отъ сферъ другихъ общественныхъ интересовъ, остаются столь же неопредѣленными, какъ и прежде.

Въ отвѣтъ на упрекъ, заключающійся въ этомъ фактѣ, государственные люди имѣли бы полное право возразить, что признаніемъ національности реальною политическою силою, сообразованіемъ съ національными интересами или стремле-

ніями внѣшней и внутренней политики управляемаго ими государства, исчерпывалась мѣра ихъ возможнаго участія въ національномъ вопросѣ; рѣшеніе его путемъ положительнаго законодательства, введеніе принципа національности во внѣшнее (международное), или во внутреннее государственное право, могло послѣдовать только по выясненію, политической наукою и публицистикою, самой теоріи національности и послѣ научнаго опредѣленія ея сущности.

Отъ практическихъ политиковъ, переходя къ публицистамъ и писателямъ, мы видимъ ихъ еще болѣе охваченными національнымъ движеніемъ: менѣе связанные реальными интересами и болѣе зависящіе отъ одобренія публики, они съ немногими исключеніями, сужаютъ преимущественно интересамъ національности, къ которой принадлежать, стремятся каждый на своемъ поприщѣ, расширить ея сферу, усилить ея значеніе, чувствуя, что этимъ обуславливается и ихъ собственное значеніе въ глазахъ современниковъ и въ памяти потомства.

Даже наука, самое самостоятельное проявленіе человѣческаго духа, носитъ на себѣ печать національнаго характера, и это объясняется ходомъ умственнаго развитія въ XIX вѣкѣ. Рядомъ съ естественными науками и пользуясь тѣмъ же методомъ, наиболѣе преуспѣвающіе критико-историческія изслѣдованія, главный предметъ которыхъ — человѣкъ во всѣхъ мѣстахъ его обитанія и во всѣхъ фазисахъ его развитія. Въ отличіе отъ XVIII столѣтія, намъ вѣкъ не довольствуется болѣе изученіемъ природы человѣка вообще, даже мало занимается ею; не отвлеченный, а дѣятельный человѣкъ со всѣми его мѣстными и временными различіями, племя, народъ, раса — привлекаютъ главное вниманіе новѣйшей науки. Изученіе памятниковъ строительнаго искусства и памятниковъ письменности съ древнѣйшихъ временъ, изученіе языковъ, не только живущихъ и развивающихся, но и завершившихъ свое развитіе, изученіе вообще всѣхъ физическихъ разнovidностей и всѣхъ нравственныхъ особенностей человѣка приводитъ къ большому различію всего человѣчества на родовыя и общественыя группы — народности, и къ признанію присущей имъ индивидуальности. Всемирная цивилизація является намъ какъ продуктъ послѣдовательной и одновременной дѣятельности развившихся до жизни въ государствѣ народностей, а созидавшія себя народности мы и называемъ *национальностями*.

При значеніи, приобретенномъ въ современной наукѣ, какъ и въ современной политикѣ, идеей національности, слѣдовало бы ожидать, что изъ громаднаго матеріала, уже доставленнаго и постоянно доставляемаго этнографіей, филологіей, исторіей государствъ и культуръ, выработается особая наука — *националистика*, которая займетъ принадлежащее ей мѣсто въ

\*) №№ 2, 5 и 8 „В. С.“